

В.С. Слобожникова

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КОРРЕКТИРОВКИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Стремление общественности к корректировке государственно-конфессиональных отношений на рубеже XX–XXI вв. рассматривается в контексте поиска современной Россией собственной модели этих отношений. Автором выявлены факторы и институциональные изменения, которые активизировали общественно-политические практики. Неоднократные неудачные попытки в виде законопроектов и концепций ГКО превратить традиционную религиозность в нормативный субъект общественно-политического пространства представлены как вызов для государства и общественности.

Ключевые слова: постсекулярность; Россия на рубеже XX–XXI вв.; государственно-конфессиональные отношения; сепарационная модель ГКО; кооперационная модель ГКО; Комитет Государственной думы по делам общественных и религиозных организаций; общественно-политические практики; концепции государственно-конфессиональных отношений.

Введение

Проблема взаимоотношений религии и политики в современном мире и России занимает все большее место в интеллектуальном и общественно-политическом пространстве. С позиции этой проблематики современность определяется как данность, характеризующаяся явлениями постсекулярного характера, а постсекулярность в современном социогуманитарном знании соотносится с постмодерном и рассматривается как феномен, вызов, новая эпоха. Постсекулярность в России анализируется в контексте зарубежных исследований, исторического развития мира и России, в связи секулярность – десекулярность – постсекулярность. Расширилось представление о содержании этого явления: от возвращения религий в публичное пространство до присутствия фактора религий, трансцендентного во всех сферах бытия современного социума [1. С. 60].

Среди исследователей проблематики религии и политики в новых условиях следует отметить М.М. Мчедлову и И.В. Кудряшову, которые разрабатывают методологические основы, выходя за границы существующих эпистемологических рамок [2]. В социогуманитарных науках современной России более динамично происходит процесс концептуализации постсекуляризма на основе зарубежных исследований, чем выявление, изучение и анализ его проявлений в нашей стране. Этот вывод можно распространить и на политологические исследования постсекулярности и согласиться с М.И. Богачевым, что авторы преимущественно «используют исторические и теоретические аргументы», недостаточно уделяя внимание эмпирическим данным [3. С. 143].

В условиях постсекулярной реальности вероисповедная политика, государственно-конфессиональные отношения (ГКО) приобретают все большую значимость в силу всепроникающего качества религиозности и активизации религиозных объединений и религиозной общественности. Общемировая практика свидетельствует, что расширение роли религиозных институтов и их экспансия в традиционно светские сферы жизни общества приводит к повышению уровня конфликтности и радикализации сторонников и противников десекуляризации [3. С. 142]. Наличие

подобной тенденции изменения уровня конфликтности общественно-политических практик отмечают исследователи О.Д. Агапов, Э.А. Баторова, М.И. Богачев, С.Н. Лаврентьев, Ю.А. Наговицына, А.Н. Сергеева, А.А. Шевченко, Д. Узланер и в России [1. С. 58–59]. В этих условиях актуализируется необходимость исследования проявлений постсекулярности в общественно-политической жизни страны.

Современная Россия с 1990 г. находится в поиске собственной модели ГКО. Их выстраивание на основе светскости в новейшей истории происходит сложно [4. С. 389–456]. К концу XX в. за короткий промежуток времени Россия освоила либеральную (сепарационную) модель взаимоотношений государства и религиозных конфессий и, получив массу негативных последствий, начала выстраивать новую на основе принципов, закрепленных в Конституции 1993 г. и детализированных в Федеральном Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. [5. Р. 147–154]. В современной научной литературе эта модель ГКО определяется по-разному: идентификационная [6. С. 168], кооперационная [7. С. 321–322].

Стремление общественности к корректировке ГКО на рубеже XX–XXI вв. автором статьи рассматривается с позиции постсекулярных подходов в контексте поиска современной Россией собственной модели этих отношений. Целью проведенного исследования стал анализ общественно-политических практик по изменению дизайна ГКО, наполнению их новыми смыслами в пограничный период преодоления издержек сепарационной модели и формирования новой – кооперационной. Задачи состояли в определении факторов актуализации традиционной религиозности на рубеже XX–XXI вв., раскрытии сути нормативного закрепления традиционной религиозности и выявлении направлений общественно-политических практик по корректировке ГКО. Цель и задачи, определенные автором, реализовывались на основе анализа периодической печати, на страницы которой выливалась общественно-политическая дискуссия, законопроектов, материалов по их обсуждению, современной научной литературы с позиции исторического, неинституционального и сравнительного подходов. В условиях постсекулярности автор обратился к изучению не только институциональной светской и рели-

гиозной составляющих ГКО, но и выявил традиционную религиозность как институцию, вокруг которой разворачивалось общественно-политическое противостояние в стремлении скорректировать религиозную политику государства.

Факторы актуализации традиционной религиозности на рубеже XX–XXI вв.

Рубеж XX–XXI вв., с точки зрения ГКО, интересен разнообразием позиций в общественном мнении, активностью части общественности в стремлении защитить прежние отношения самоустраненности государства от регулирования религиозной сферы, а другой части – наполнить новую, формирующуюся модель конкретным содержанием, которое по-разному трактовалось.

Реализация закона 1990 г. «О свободе вероисповеданий», с одной стороны, привела к религиозному возрождению и увеличению численности религиозных объединений. В истории России впервые полноценно реализовывались свобода совести и свобода вероисповедания, верующим были переданы тысячи культовых зданий, открыты десятки монастырей, духовных учебных заведений, религиозных центров, братств, миссий, церковных журналов и газет. Возросли престиж и уровень доверия общества к религиозным объединениям. В то же время расширились негативные проявления освоения религиозности в условиях абсолютной свободы и бесконтрольности. Произошло вторжение новых, нетрадиционных для России религий и культов, наблюдалась массивная атака иностранных религиозных миссий на традиционный менталитет народов России. Часть из них стремились не к искреннему религиозному возрождению нашей страны, а преследовала разведывательные, коммерческие и другие цели, не связанные с религией. Например, в 1994 г. в стране действовало около 5 тыс. организаций без регистрации своих уставов. Религиозная «пена» включала как экстремистов, так и откровенных авантюристов. Явления в рамках второй тенденции реализации сепарационной модели ГКО явно носили «деструктивный» характер и вызвали особую озабоченность общественности и властей ряда регионов [8. С. 627–628].

Освоение Россией религиозности в 1990-е гг. и поиск новой модели ГКО проходили в сложных социально-политических условиях. Резко падало доверие населения к власти из-за ухудшения социально-экономической ситуации в стране. Усилилась маргинальность идеологической и духовной жизни российского общества. Нарастала политизация религии за счет включенности религиозного фактора в партийное строительство и выборный процесс. Расширялась и нарастала опасность сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма.

Ситуация, сложившаяся в мире и стране, стала серьезным вызовом для государства и общества. Требовалась настоятельная необходимость корректировки религиозной политики, так как власть испытывала дефицит ресурсов, чтобы справиться с кризисом и восстановить управляемость страной, найти дополни-

тельные механизмы усиления доверия населения. Таким ресурсом в решении прежде всего духовных и социальных проблем могли стать религиозные организации. Для этого необходимо было их стимулировать к позитивному участию в общественной жизни России, социальному служению.

На рубеже XX–XXI вв. произошло несколько значимых институциональных изменений, которые активизировали общественно-политические практики в рамках ГКО. В федеральных и региональных органах государственной власти и управления и при них начали формироваться специальные структуры (управления, отделы, комитеты, комиссии, советы), отвечающие за религиозную политику и взаимодействие с религиозными объединениями. На федеральном уровне важными субъектами ГКО стали такие структуры, как отдел по взаимодействию с религиозными организациями Администрации президента, Комитет Государственной думы по делам общественных и религиозных организаций (законотворческая деятельность), Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ (решение конкретных текущих вопросов), Министерство юстиции (регистрация религиозных организаций). При органах власти субъектов РФ создавались межрелигиозные советы, которые стали активно представлять религиозный мир перед светскими властями. Наибольшую активность в этом проявляли представители местных ведущих религиозных организаций [9].

По инициативе Русской православной церкви (РПЦ) в декабре 1998 г. на встрече глав и представителей Московской патриархии, Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ, Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России, Буддийской традиционной сангхи России был образован Межрелигиозный совет России (МСР), который позиционирует себя в качестве общественной организации, объединяющей духовных лидеров и представителей четырех традиционных конфессий России: православия, ислама, иудаизма и буддизма. На официальном сайте организации отмечается: «Целью деятельности МСР является укрепление межрелигиозного и межнационального мира, противодействие использованию религиозных чувств для разжигания межэтнических конфликтов, утверждение в обществе традиционных нравственных ценностей, согласия и стабильности» [10]. Созданный в рамках МСР союз представителей ведущих религий страны, органов государственного управления и общественных сил работает над поиском эффективных методов решения сложных социальных и национально-религиозных проблем.

Процессу активизации и консолидации религиозного сообщества также способствовала необходимость прохождения регистрации в соответствии с требованиями нового законодательства, что вызывало недовольство, особенно у новых религиозных движений.

В начале XXI в. появился еще один важнейший фактор активизации общественно-политических практик. Речь идет о принятии и обнародовании ве-

дущими религиозными организациями общественно-политических доктрин, в которых излагалось их видение ГКО, места и роли религиозных практик в структуре политического процесса России, направлений сотрудничества с государством, социального служения [11. С. 498–525].

В целом в исследуемый период проходило институциональное оформление ГКО, которые с точки зрения структурного дизайна и основных характеристик существуют и сегодня.

Нормативное закрепление традиционной религиозности: за и против

Выявленные факторы актуализации поиска новой модели ГКО свидетельствуют об организационной активности религиозных организаций ведущих религий, поэтому не случайно со второй половины 90-х гг. XX в. в общественно-политическом обиходе все чаще стало использоваться понятие «традиционные религии». Проблема традиционной религиозности не просто актуализировалась, но и стала приобретать общественно-политическое значение. Исходной точкой дискуссии о характере новых ГКО и места в них традиционных религий стало содержание преамбулы ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., в которой зафиксировано признание «особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и уважение «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [12]. Споры вокруг содержания преамбулы активно продолжились еще на стадии обсуждения законопроекта и продолжаются до сих пор. Для высказанных позиций характерно разнообразие оценок религиозной конкретизации. Одни были убеждены в неправомерности и оскорбительности данных положений в поликонфессиональной стране. Другую крайность представляли те, кто был удовлетворен перечислением конкретных религий и считал, что понятие «традиционные религии» необходимо нормативно закрепить в законе, так как происходит интенсивное освоение традиционной религиозности властью и частью общества.

На рубеже XX–XXI вв. продвижением идеи традиционных религий активно занимался Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной думы РФ. В его состав входили депутаты, которые были убежденными сторонниками необходимости опоры в государственной политике на религиозные организации традиционных религий. К их числу принадлежал и председатель этого Комитета в 1994–2003 гг. В.И. Зоркальцев, который считал религиозные организации «одним из наиболее важных институтов гражданского общества» и в одном из интервью, объясняя религиозную традиционность, заявлял: «...традиционная для России религия – это та религия, которая существует за счет российской паствы, российских ресурсов, имеет российские канонические структуры, российских священников, находится в системе российских зако-

нов. И, безусловно, она должна иметь традиции, оставить след в истории государства» [13].

Комитет в различных формах активно продвигал идею традиционных религий. Например, на парламентских слушаниях в Государственной думе 2001 г., посвященных проблеме законодательного обеспечения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции Русской православной церкви, были предложены рекомендации по оптимизации государственно-церковных отношений в направлении изменения законодательства «в сторону закрепления государственных вероисповедных предпочтений в лице “традиционных” конфессий» [14. С. 15].

Сторонники идеи введения в политико-правовое пространство России понятия «традиционная религия» активно пытались реализовать ее в законодательной практике, разработав несколько законопроектов. Специалисты отмечают, что проекты такого рода выдвигались уже с 1993 г. и «неизменно вызывали опасения за сохранность конституционного принципа равенства религиозных организаций перед законом» [15]. Наиболее известными на рубеже веков стали проекты, получившие названия по фамилиям авторов: Шандыбина, Чуева, Глазьева. В ряду этих законопроектов одним из первых стал проект 1999 г. «О традиционных религиозных организациях» депутатов Государственной думы В.И. Шандыбина, В.У. Корниенко, В.А. Лисичкина, С.В. Житинкина [16]. Как свидетельствуют первоисточники, одним из самых настойчивых в реализации идеи юридического закрепления традиционной религиозности в начале XXI в. стал А.В. Чуев, заместитель председателя Комитета. Он предложил несколько вариантов проекта ФЗ «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» (2002) [17] и законопроект «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций» (2003) [18]. В 2003 г. депутатами С.Ю. Глазьевым и А.Н. Белоусовым в Государственную думу также был внесен проект закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций» [19].

Как свидетельствуют изучение и сравнение проектов, общим для всех из них было только стремление узаконить традиционную религиозность, конкретизация же понималась и трактовалась по-разному. У депутатов было разное представление о названии субъекта желаемых будущих правоотношений. Так, проект Шандыбина предусматривал нормативное понятие «традиционная религиозная организация» с правовым статусом общероссийской организации [16]. А.В. Чуев во всех законопроектах предлагал различное количество видов традиционных религиозных организаций. Например, в проекте «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» их предусматривалось четыре вида, и распределялись они на две группы. Религиозные организации, зарегистрированные в РФ, могли получить один из трех видов статуса: 1) традиционные религиозные организации народов РФ; 2) традиционные религиозные организации отдельных народов РФ; 3) исторически традиционные религиозные организации. На статус представительства иностранной религиозной органи-

зации могли претендовать только те зарубежные религиозные организации, которые признаны «неотъемлемой частью исторического, духовного и культурного наследия народов соответствующего государства» [17]. В проекте же «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации» предусматривалось только два вида традиционных религиозных организаций: общероссийские и региональные.

Предполагаемое отличие статусов традиционности более значимыми делало критерии отнесения к той или иной категории. В условиях поликонфессиональности именно критерии, по которым религиозные организации могли получить статус традиционных, стали предметом самых острых споров среди сторонников традиционной религиозности. Базовым признаком считалась неотъемлемость исторического, духовного и культурного наследия разных по статусу традиционности религиозных субъектов ГКО. В проектах также учитывалась численность верующих или последователей, выделялись территориальный и временной признаки функционирования религиозной организации.

Например, в проекте Чуева «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» «традиционная религиозная организация РФ» должна была действовать на территории РФ не менее 50 лет и объединять не менее одного миллиона верующих или последователей. «Традиционная религиозная организация отдельных народов РФ» – существовать на территории страны и на территории отдельных ее субъектов не менее 50 лет и насчитывать не менее ста тысяч человек. «Исторически традиционная религиозная организация» – на территории отдельных субъектов РФ или в отдельных местностях не менее 80 лет. Количественный состав верующих и последователей для этого вида не регламентировался [17]. Еще более ограничительные признаки были сформулированы этим депутатом в проекте «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций». Требование к сроку существования для всех увеличивалось до 85 лет [18]. Если 50-летний срок отсылал как минимум к 1952 г., то 85-летний – к 1917 г., году, когда большевики еще не занялись активно атеистической религиозной политикой и в дореволюционной России функционировала модель государственной религии в лице православия. Сужался круг претендентов на получение статуса традиционной религиозной организации России и за счет введения положения о необходимости местных организаций, действующих на территории не менее чем в 10 субъектах РФ, хотя по действовавшему и сегодня действующему законодательству для регистрации централизованной структуры достаточно не менее трех местных организаций [12].

При предлагаемой разнице в статусе ни один из проектов А.В. Чуева не называл религиозные организации конкретных конфессий. Этот аспект проблемы традиционной религиозности зафиксирован в проекте Глазьева. В число традиционных религиозных организаций включалась РПЦ со статусом всероссийской, а также «мусульманские, буддистские и иудаистские

религиозные организации в местах традиционного компактного расселения верующих соответствующих конфессий». Подчеркивалось, что именно религиозные организации таких конфессий, как православие, ислам, буддизм и иудаизм, составляют в современной России «неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [19]. Конкретное определение религий, претендующих на статус традиционных, с одной стороны, снимало проблему критериев на федеральном уровне, но с другой – переносило ее на региональный, где местным властям, в том числе и муниципальным, предстояло определиться, является ли их территория местом компактного проживания мусульман, иудеев и буддистов.

Выявленные признаки традиционной религиозности свидетельствуют об очевидном несовпадении мнений по этому вопросу, хотя общим очевидным следствием стало стремление сузить круг религиозных организаций, которые станут опорой власти. Некоторые критики считали, что, например, под предложенные Шандыбиным критерии традиционности подходили только православие и ислам [20]. Глазьев в проекте традиционные религиозные организации обозначил конкретно. Эти предложения противоречили процессам, происходившим в стране. Численность религиозных организаций в РФ неуклонно увеличивалась, как и вероисповедное многообразие [21. С. 185–195]. По сути, законопроекты предполагали уменьшение численности религиозных субъектов, с которыми государство должно было выстраивать отношения, и представляли новое видение прав традиционных религиозных организаций и обязанностей государства перед ними, что кардинально меняло бы характер существовавших ГКО.

Проект Шандыбина предлагал традиционные религиозные организации наделить правом «иметь своих постоянных представителей при федеральных и региональных органах власти по согласованию с ними», и органы государственной власти в рамках своей компетенции могли оказывать эти организациям содействие в их социальной деятельности [16]. В проектах Чуева и Глазьева акцент делался на социальном партнерстве, механизмах его реализации, обязанностях государства. Так, законопроект «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» Чуева предусматривал оказание финансовой поддержки для создания религиозных СМИ, их развитие путем размещения государственных заказов. Предлагалось на безвозмездной основе предоставлять государственные и муниципальные СМИ для освещения деятельности традиционных религиозных организаций «в целях распространения своего вероучения, религиозного образования и воспитания, миссионерской и благотворительной деятельности», в том числе «демонстрации богослужений, религиозных церемоний обрядов и других значимых событий религиозной жизни». Практически полностью освободить от налогов не только сами организации и их структурные подразделения, но также принадлежащие им предприятия; предоставить значительные льготы, если не полное финансирование, в области образования, благотворительности и социального обслуживания [17].

Еще более расширительно трактовались обязательства государства во втором проекте Чуева. Отношения социального партнерства рассматривались как «весь комплекс взаимодействий между органами государственной власти и традиционными религиозными организациями, направленных на социальное, духовное, культурное и нравственное оздоровление общества», в рамках которого государство должно оказывать «содействие... в реализации федеральных, межрегиональных и региональных целевых программ и иных мероприятий в сфере образования, культуры, социального обслуживания и других сферах общественных отношений». Глава 4. «Государство и традиционные религиозные организации» фиксировала 11 основных направлений взаимодействия и достаточно конкретно указывала обязательства государства. Кроме организационной и материальной поддержки, предусматривалось «поэтапное возвращение имущества традиционных религиозных организаций, изъятого у них ранее во внесудебном порядке и находящегося в государственной или муниципальной собственности», и льготное налогообложение для всего круга хозяйственной деятельности [18]. В проекте Глазьева субъектами договоров о социальном партнерстве могли стать только традиционные религиозные организации и органы государственной власти и местного самоуправления. Государство должно было учитывать отличия статусов традиционности. Традиционные религиозные организации имели право на получение государственной поддержки [19]. Из логики этого документа следовало, что договоры о социальном партнерстве на всероссийском общегосударственном уровне могли заключаться только с РПЦ, а региональные органы государственной власти и местного самоуправления наделялись правом устанавливать партнерские отношения с местными мусульманскими, буддистскими и иудаистскими религиозными организациями, признанными традиционными на их территории. Это естественно как минимум сужало пространство использования социального потенциала других конфессий и ранжировало даже ведущие религиозные организации страны.

Видение А.В. Чуевым ГКО предполагало не только институциональные изменения в религиозной составляющей этих отношений, но и государственной. В одном проекте он предлагал создать Федеральную комиссию по поддержке традиционных вероисповеданий, которая наделялась широкими полномочиями и должна была состоять из 20 постоянных членов. 5 из них должны назначаться Государственной Думой, 5 – Советом Федерации, 10 – распоряжением Президента, который 5 членов Комиссии выбирал из кандидатур, представленных от православных, исламских, иудаистских и буддистских организаций [17]. В другом – схематично, без детализации предусматривалось формирование на общегосударственном уровне Совета по поддержке традиционных вероисповеданий при Президенте Российской Федерации, а на региональном – «региональных Советов по поддержке традиционных вероисповеданий, состоящих из представителей региональных традиционных религиозных организаций» [18].

Нормативное закрепление статуса традиционности оказало бы серьезнейшее влияние на светский и религиозный мир России. Во-первых, предлагалось существенно изменить место и роль государства в регулировании религиозного мира. Многие положения проектов противоречили конституционным принципам ГКО, могли привести к их клерикализации. Во-вторых, все религиозные организации делились на две категории: традиционные и нетрадиционные, что противоречило конституционному принципу равноправия. В-третьих, большинство законопроектов предусматривало различия в статусе традиционных организаций, что ранжировало уже мир традиционной религиозности. Выдвигаемые депутатами проекты для светского общества и религиозного мира стали общественно-политической провокацией.

Сама процедура рассмотрения законопроектов предполагает широкое привлечение общественности, подключение средств массовой информации, получение экспертных заключений, писем-поддержек от представителей власти. Авторами и активными сторонниками проводились парламентские слушания, круглые столы, пресс-конференции, давались интервью. В орбиту обсуждения включались эксперты, общественные объединения, религиозные организации. Например, к обсуждению проекта А.В. Чуева «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» были привлечены такие структуры, как Ассоциация защиты семей и лиц от негативных информационно-психологических воздействий, Фонд развития парламентаризма, Собор православной интеллигенции, Историко-правовая комиссия Русской православной церкви, представители Президента РФ в федеральных округах и др. В СМИ, как печатных, так и электронных, появились самые разные отклики на этот законопроект [22]. Вообще вокруг проблемы введения в политико-правовую практику понятия «традиционная религия» в начале XXI в. развернулась настоящая борьба, а само обсуждение превратилось в общественно и политически значимое явление.

Идея нормативного закрепления традиционной религиозности получила широкое распространение и поддержку как в религиозной среде, так и среди специалистов и общественных деятелей. За несколько лет до внесения собственного проекта на парламентских слушаниях в Государственной Думе (2001 г.) депутат С.Ю. Глазьев обратил особое внимание на следующий момент: «...для того чтобы Россия успешно развивалась, помимо чисто экономических факторов, необходимо сохранение наших традиционных нравственных устоев. И здесь наш главный союзник – традиционные религии, с которыми государство, по моему мнению, должно выстраивать отношения социального партнерства. Государство и традиционные религии имеют не только общее поле деятельности, но и несут в какой-то степени общую ответственность за нравственный климат в обществе» [23].

В ходе дискуссии в пользу нормативного закрепления традиционной религиозности выдвигалась и более конкретная аргументация, которую можно объединить в четыре группы. 1. Это необходимо для «обеспечения

реализации прав граждан на свободу вероисповедания, укрепления основ общественной нравственности, а также в целях осуществления гармоничного взаимодействия между государством и религиозными организациями, являющимися неотъемлемой частью исторического духовного и культурного наследия народов Российской Федерации» [24]. 2. Действующее законодательство не справляется с задачей ограничения деятельности псевдорелигиозных, экстремистских организаций, цели которых весьма далеки от религиозных. В России отсутствуют препятствия для использования государственных ресурсов псевдорелигиозными тоталитарными организациями, которые под различными благовидными предложениями широко используют государственные и муниципальные образовательные заведения для вовлечения в сферу своего влияния молодежи. 3. В обществе созрела новая ситуация, настоятельно требующая снятия излишних барьеров, препятствующих соработничеству Церкви и государства, назрело понимание того, что отделение Церкви от государства как государственного аппарата не означает еще отделения Церкви от общества, более того, такое отделение не принесет обществу ничего, кроме вреда. 4. Понятие «традиционные религии» уже носит правовой характер, так как их названия перечислены в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., поэтому конкретизация этой категории в законодательстве вполне логична и необходима [25. С. 132–135].

Появились и публикации с развернутым обоснованием проблемы. Так, юрист И.В. Понкин, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права, назвал «мифом» светское государство, в котором все религии фактически равноудалены, которое поддерживает фактически равные взаимоотношения со всеми религиозными объединениями в независимости от численности их верующих. Этот миф о «полностью внерелигиозном» государстве навязывается или по незнанию и некомпетентности, или намеренно, из личных идеологических побуждений, к которым можно отнести «нетерпимость к традиционным для России религиям, приверженность к атеистической идеологии и пр.». Необходимость преференций государства крупнейшим религиозным организациям ученый объяснял обязанностью государства содействовать коллективной реализации свободы совести и вторичностью государства по отношению к народу. Он критически оценивал разработанные законопроекты и считал их «не более, чем пиаровскими акциями депутатов», слишком «сырыми» из-за отсутствия конкретики. Сам же специалист в области ГКО предлагал государству выделить перечень религиозных организаций традиционных религий, с которыми возможно расширенное сотрудничество в нескольких вариантах: «на основе системы административных практических решений, на основе заключаемых договоров, на основе комплексного изменения целого ряда законов или на основе отдельного специально принимаемого закона». И.В. Понкин, писал, что сегодня трудно определить, какой из этих вариантов лучше, но наиболее оптимальным считал их комплексное использование [26].

У идеи нормативного закрепления традиционной религиозности были не только сторонники, но и противники. В развернувшейся дискуссии исходной позицией для них стали положения Конституции РФ, согласно которым Россия – светское государство, и религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, поэтому в качестве одного из важнейших аргументов приводилось утверждение об антиконституционной направленности предлагаемых проектов. Противники рассматриваемой идеи также видели ее ущербность с позиции прав человека. С одной стороны, права верующих окажутся производными от прав неких самодовлеющих структур, мало похожих на добровольные объединения граждан, и верующие фактически станут заложниками конфессиональной бюрократии. С другой – такой подход позволит власти использовать религию в политических целях в качестве идеологии для удержания власти, путем некоего «сотрудничества» с конфессиональной бюрократией, делая уже заложниками все общество и каждого человека в отдельности [27].

Подключившиеся к дискуссии исследователи доказывали, что дефиниция «традиционные религии» имеет «культурно-исторический характер», но не «имеет самостоятельного нормативного значения», не может выступать в качестве законодательной функции [20]. Активные противники идеи С.А. Бурьянов и С.А. Мозговой категорично заявляли: «Введение в правовой оборот неопределенного термина “традиционная” конфессия вообще может ввести в заблуждение общество и правоохранительные органы. Сколько времени необходимо религиозному объединению, чтобы стать традиционным? 15, 50, 100 или 1 000 лет? Каких-либо критериев ни в науке, ни в праве не существует» [28]. Вердикт этих активных участников дискуссии был однозначным: правовые критерии религиозной традиционности создать невозможно. Противники идеи также отмечали, что с переходом понятия «традиционные религии» в область права возникает вопрос о списке конкретных религиозных организаций. При этом вполне правомерным считалось употребление понятия «традиционные религии» в религиозноведческом или обыденном обиходе. Критически к идее выделения «традиционных религий» отнесся и А. Верховский, его статья с анализом рассмотренных законопроектов называлась «Битва за привилегии». Именно так этот специалист расценивал стремление наделить некоторые религиозные организации России статусом традиционных [15].

В контексте изучения общественно-политических практик корректировки ГКО необходимо выявить позицию религиозных организаций, так как обсуждаемые законопроекты имели к ним непосредственное отношение, дифференцируя религиозный мир России и углубляя в нем конфликтность, усложняя и так не простые взаимоотношения. На первый взгляд, может сложиться впечатление, что ведущие конфессии выступили на стороне защитников нормативного закрепления традиционной религиозности, но это не так. Например, как свидетельствуют материалы Отдела коммуникации ОВЦС Московского патриархата, РПЦ, считая идею важной, к положительным сторо-

нам отнесла предложение о вводе в законодательство нескольких категорий традиционных религиозных организаций и создании государственного органа. В то же время были отмечены «серьезные недостатки»: отсутствие прописанного правового статуса традиционных религиозных организаций разного уровня; слабая проработанность ряда положений, опасность идеи «поддержки иностранных религиозных организаций». По мнению РПЦ, большая часть разработанных положений не является нормами права, а остается лишь декларативными положениями о сотрудничестве государства с традиционными религиозными организациями [24]. В целом руководители РПЦ никогда прямо не поддерживали проекты, разработанные депутатами Государственной думы. Изучение позиции РПЦ позволяет согласиться с мнением, что в отношении ко всем подобным законопроектам у РПЦ наблюдалась определенная схема: одобрение идеи в целом и конкретные серьезные юридические и содержательные замечания [15].

Резко против идеи выступил председатель Конференции католических епископов РФ. В интервью «Независимой газете» он заявил: «Теперь возникла идея создания еще одного закона о так называемых традиционных религиях. Предложил его депутат Чуев. Я категорически против этого закона. Согласно его проекту мы, католики, может быть, и будем признаны традиционной конфессией... допустим, православный и католик в закон попадут, а протестант – нет. То есть закон о религии, которая должна примирять всех, делит людей на какие-то классы. Стремление сверху руководить свободой совести – это остатки советского периода» [29]. К «остаткам советского периода» религиозные организации даже ведущих конфессий относили и создание специального органа по религиозной политике, их насторожило стремление усилить государственную составляющую в управлении религиозной сферой [30. С. 230–234].

Общественная активность, по сути, «похоронила» рассмотренные проекты. В политико-правовое поле России ввести традиционную религиозность не удалось. После выборов в Государственную думу 2003 г. общественная и законодательная активность в этом направлении снизилась.

Традиционная религиозность в контексте разработки Концепции ГКО

Параллельно с разработкой, выдвижением и обсуждением законопроектов шла работа над концепцией религиозной политики, что можно отнести к стремлению ответить на появление общественно-политических доктрин ведущих религиозных организаций, зафиксировать позицию государства в условиях новых вызовов. В результате объединения усилий общественности и государственных институтов на широкое обсуждение были представлены варианты проектов двух коллективов. Один разрабатывался кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ (условно назовем его «проект РАГС»), другой – Институтом государственно-конфессиональных отношений и пра-

ва и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве (условно назовем его «проект Института»). Есть мнение, что проект РАГС «Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации» создавался по заказу Администрации Президента, а на содержание проекта Института «Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации» повлияли «клерикальные круги, ориентированные на МП РПЦ» [31].

В научной литературе содержание этих проектов рассматривается последовательно, а обсуждение не конкретизируется. Особенность такого подхода объясняется тем, что представленные как альтернативные, проекты одинаковы по сути [32]. В рамках анализа общественно-политических практик необходимо остановиться на позициях критиков по каждому проекту отдельно, так как такой подход позволит сделать вывод о направленности предлагаемых корректировок существовавших ГКО.

Между составителями проектов, заинтересованными лидерами, как светскими, так и религиозными (в обсуждении концепции приняли участие представители РПЦ, а также служители культа других конфессиональных объединений), развернулась настоящая борьба, выплеснувшаяся на страницы СМИ, как светские, так и религиозные.

Критика проекта РАГС велась с двух позиций. Во-первых, в обсуждении активно участвовали сторонники традиционной религиозности, стремящиеся к клерикализации ГКО. До сих пор в интернете под рубрикой «Антицерковные религиоведы» можно прочесть более 10 негативно-критических, ярких и эмоциональных разборов этого проекта религиозными деятелями, философами, юристами. Сам проект назывался «странным эпистолярным опусом», «типичным образчиком воинствующе-советских гонений на религию». Часто повторялось утверждение, что проект составлен атеистами, «адептами воинствующего атеизма», создан в «атеистической парадигме», это «конгломерат из вульгарного атеизма и полицейщины», его суть определялась как «антирелигиозная», «антиисламская», «антиправославная». Возмущение вызвало положение проекта о «равноудаленности государства», о праве религиозных организаций вести только религиозную деятельность, то, что о необходимости учета интересов традиционных конфессий сказано «мимоходом». «Абсурдными и преступными» названы «идеи о социальной адаптации нетрадиционных религий государством» [33]. Даже приведенные выражения свидетельствуют, что критика этого проекта велась некорректно, в уничижительной, нередко в издевательской тональности.

Во-вторых, не устраивал проект и сторонников ГКО сепарационной модели, по которой выстраивались эти отношения в 1990-е гг. Они критиковали разработку РАГС с либеральных подходов, рассматривали выделение традиционных религий с позиции нарушения свободы вероисповедания, воспринимая любые попытки государства регламентировать религиозную сферу как неприемлемые. С их точки зрения, представители традиционных религий и часть обще-

ственности «просто хотят использовать государственный ресурс для нейтрализации своих духовно-экономических конкурентов». Термин «традиционная» конфессия характеризуется неопределенностью, поэтому его введение в правовой оборот «может ввести в заблуждение общество и правоохранительные органы». Выделение этой категории конфессий противоречит Конституции РФ и закрепленным в ней принципам светскости и равенства религиозных организаций [27].

По этим же причинам либеральная общественность выступила и против проекта Института, в котором не просто «мимоходом» отмечались традиционные религии, а предлагалось узаконить и регламентировать привилегии традиционных религий и практику сотрудничества с ними, были приведены критерии, по которым определялась принадлежность к традиционным религиям: количество адептов, исторический вклад в развитие страны и современные действия в качестве созидательной и объединяющей духовной силы российского общества [31]. Критики этого проекта акцентировали внимание на предполагаемом «избирательном партнерстве власти с “традиционными” конфессиями» и осуждали обоснование необходимости правового закрепления критериев определения традиционности религиозных организаций и соответствующего правового статуса таких организаций, расценивая это как стремление заинтересованных кругов «наполнить реальным содержанием и оформить в виде “специальной” концепции» элементы конфессиональных предпочтений, закрепленные в неработающей в нормативном смысле преамбуле Федерального закона 1997 г. [28]. Активно против введения понятий «традиционность», «традиционная религиозная организация» в политико-правовое поле России выступили: Ассоциация христианских церквей «Союз христиан», Центр по исследованию проблем религии и общества Института Европы РАН, полномочный представитель Правительства РФ в Федеральном собрании РФ [31]. «Неприемлемыми» назвали правовое закрепление критериев определения традиционных религиозных организаций лидеры Российского союза евангельских христиан-баптистов [34].

Изучение вариантов рассматриваемых проектов и материалов дискуссии позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, с принципиальной и содержательной точек зрения проекты не были одинаковыми. Проект РАГСa формулировал концепцию с позиции принципов ГКО, заложенных в действовавшем законодательстве, стремился систематизировать ГКО [35] и, с нашей точки зрения, наполнить конкретным содержанием кооперационную модель взаимоотношений в светском государстве. Это вывод подтверждает и сравнение вариантов проекта Концепции 2001 и 2003 гг. [36]. Проект же Института предлагал скорректировать закрепленные законодательно ГКО в сторону традиционной религиозности [37]. Полагаем, что именно этим можно объяснить разный состав религиозных критиков проектов. По этим же причинам оба проекта подверглись жесткой критике со стороны либеральной общественности, которая выступила ак-

тивным противником несовпадающих с их подходами принципиальных основ рассматриваемых документов.

Во-вторых, как показала систематизация критических материалов, с точки зрения общественно-политических практик, у проекта РАГСa было две основных группы критиков (сторонники сепарационной модели ГКО и законодательного закрепления традиционной религиозности), а у проекта Института можно выделить три группы: сторонники сепарационной модели ГКО, представители религий, которые не рассматривали попасть в число традиционных, и защитники основ, сформулированных в действовавшем законодательстве.

Пик дискуссии по проектам концепции религиозной политики приходился на 2001–2002 гг. Спорящие стороны активно пугали общество непредсказуемыми последствиями принятия той или иной концепции. Ни одной из сторон не удалось получить поддержки подавляющего большинства, и в России не появилась Концепция ГКО как нормативный документ, но идеи и стремления остались. Полагаем, что этот факт, особенно резкая критика проекта РАГСa, в определенной степени вдохновили сторонников традиционной религиозности на применение других форм продвижения этой идеи в общественно-политической жизни страны.

Выводы

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. ГКО в России развивались в кризисной ситуации, осложненной вызовами религиозного экстремизма и терроризма. В общественно-политических практиках этого периода можно выделить два основных тренда: 1) Россия – светская страна, и государство рассматривало светскость, как стратегию религиозной политики; 2) кризисность ситуации этого периода актуализировала поиск дополнительных ресурсов и механизмов управления. Сами взаимоотношения государства и религиозных объединений находились в пограничном состоянии отказа от сепарационной модели ГКО и наполнения конкретным содержанием кооперационной модели, ее институциональным оформлением. В рамках этого процесса произошло несколько значимых институциональных изменений, которые активизировали общественно-политические практики в рамках ГКО: формирование в органах государственной власти и управления федерального и регионального уровней структур, отвечающих за религиозную политику; создание Межрелигиозного совета России; перерегистрация религиозных организаций; принятие и обнародование ведущими религиозными организациями общественно-политических доктрин.

В условиях кризиса среди общественно-политических практик активизировались те, которые проблему традиционных религий не только актуализировали как один из вариантов поиска механизмов восстановления управляемости страны и решения социальных и духовных проблем, но и придали ей общественно-политический характер. Материалы СМИ свидетельствуют, что вокруг предложенных проектов нормативных документов (концепция ГКО, законопро-

ектов) развернулось ожесточенное противостояние. Политики и активная часть общественности предлагали различные варианты использования религиозного ресурса для решения стоящих перед страной проблем. Анализ показал, что данный период представлен разнообразием позиций в общественном мнении, активностью части общественности в стремлении защитить прежние отношения самоустранимости государства от регулирования религиозной сферы, а другой части – скорректировать ГКО в сторону традиционной религиозности. Существующие, законодательно оформленные ГКО подверглись серьезной атаке как со стороны либералов, так и сторонников традиционной религиозности, что наиболее красноречиво подтвердила дискуссия вокруг проектов Концепции ГКО.

Среди субъектов ГКО продвижением идеи традиционных религий на рубеже XX–XXI вв. наиболее активно занимался Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной думы РФ. Сторонники идеи введения в политико-правовое поле традиционной религиозности активно пытались реализовать ее в законодательской практике, разработав несколько проектов. Наиболее известными стали законопроекты, получившие свои названия по фамилиям авторов: Шандыбина, Чуева, Глазьева, в которых предлагалось юридически закрепить традиционную религиозность в различных формулировках и ранжировать сами эти субъекты общественно-политической жизни, правоотношений в основном по критериям длительности функционирования, количества последователей, их исторического, духовного и культурного вклада в развитие страны или отдельных народов и территорий.

Важной стороной предложений по реализации этой идеи было усиление государственной составляющей ГКО, вплоть до создания специального государственного органа по религиозной политике. Проект Концепции ГКО Института государственно-конфессиональных отношений и права и законопро-

екты депутатов Государственной думы свидетельствуют о мощном движении не просто по корректировке существующих ГКО, а о стремлении отказаться от принципа равноправия религиозных организаций, введя их ранжирование.

Последовательными критиками и формирующихся ГКО, и их корректировки в сторону традиционной религиозности выступала либеральная общественность, для которой идеалом была сепарационная модель. Эта модель считалась наиболее приемлемой и частью религиозного мира, особенно среди новых для России религиозных конфессий. Представители государства, специалисты продемонстрировали разнообразие позиций, как и религиозная общественность. В среде ведущих конфессий отношение к нормативному закреплению традиционной религиозности менялось. Во время дискуссии по проектам концепции ГКО представители православия и ислама поддержали эту идею, резко критикуя проект РАГС, систематизирующий существующие ГКО. Проекты же депутатов Государственной думы были раскритикованы, хотя сама идея получила их одобрение. Резко против введения традиционной религиозности в политико-правовое пространство России выступили представители конфессий, которые не были названы в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. Проблема нормативного закрепления статусности религиозных организаций взбудоражила религиозный мир и, по сути, его расколола.

Несмотря на мощное наступление, существующие ГКО устояли, а традиционную религиозность сделать нормативным субъектом общественно-политических отношений не удалось. Как и не удалось стране выработать Концепцию религиозной политики. В целом стремление общественности к корректировке ГКО на рубеже XX–XXI вв. происходило в контексте поиска современной Россией собственной модели этих отношений и актуализации освоения традиционной религиозности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слобожникова В.С. Освоение социо-гуманитарными науками России феномена постсекулярности // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности : сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 января 2019 г., Саратов) / [под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Суслова]. Саратов : Саратов. гос. юрид. академия, 2019. С. 53–60.
2. Мчедлова М.М., Кудряшова И.В. Религия и политика: от секуляризации к новым теоретическим координатам исследования // Политика и наука на перекрестке современности: к итогам юбилейного Конгресса РАПН. Ежегодник 2016 / гл. ред. А.И. Соловьев. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 176–194.
3. Богачев М.И. Есть ли связь между религией и политикой? Анализируя опыт Северной Америки и Европы // Полития. 2016. № 4 (83). С. 142–157.
4. Логинов А.В. Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М. : Большая Российская энциклопедия, 2005. 496 с.
5. Slobozhnikova V. Modern Russia is in Search of a Secular Model of Relationships Between Religions and the State // Balkan journal of philosophy. 2014. Vol. 6, Is. 2. P. 147–154.
6. Шахов М.О., Шутова О.С. Государственно-конфессиональные отношения: анализ типологий и «силовая модель» // Полития. Осень. 2003. № 3 (30). С. 158–178.
7. Церковь, гражданское общество и государство // Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов : Поволж. ин-т управления им. П.А. Столыпина, 2013. С. 286–322.
8. История религий в России : учебник. Изд. 2-е, доп. / под общ. ред. О.Ю. Васильевой, Н.А. Трофимчука. М. : Изд-во РАГС, 2004. С. 696.
9. Журавский А., Кырлежев А. Российское государство перед феноменом религиозности. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2003-10-15/54 (дата обращения: 21.08.2018).
10. Официальный сайт Межрелигиозного Совета России. URL: <http://interreligious.ru/> (дата обращения: 17.08.2018).
11. Демократия, управление, культура: проблемное измерение современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М. : РОССПЭН, 2007. 551 с.
12. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 7.09.2018).

13. Зоркальцев В.И. Религиозные организации – один из наиболее важных институтов гражданского общества, хотя еще и не очень заметный в России. URL: <http://old.nasledie.ru/persstr/persona/zorkalcev/article.php?art=2> (дата обращения: 28.08.2011).
14. Свобода убеждений, совести и религии в современной России: специализированный информационно-аналитический доклад. М. : Моск. хельсинкская группа, 2007. 272 с.
15. Верховский А. Битва за привилегии. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2003/06/18/bitva_za_privilegii/ (дата обращения: 15.03.2007).
16. Проект Федерального закона № 99048645-2 «О традиционных религиозных организациях». URL: <https://www.lawmix.ru/lawprojects/72596> (дата обращения: 24.07.2018).
17. О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации: проект Федерального закона (подготовлен депутатом Государственной думы РФ А.В. Чуевым). URL: <http://www.atheism.ru/archive/text/340.phtml> (дата обращения: 25.07.2018).
18. Проект Федерального закона «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций». URL: <http://www.atheism.ru/archive/text/1115.phtml> (дата обращения: 25.07.2018).
19. Проект федерального закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций». URL: <http://www.atheism.ru/archive/text/1114.phtml> (дата обращения: 24.07.2018).
20. «Традиционные религии» России: к вопросу о терминах. URL: <http://catholicchurch.ru/index.php/topic/1907> (дата обращения: 24.07.2018).
21. Современная российская политическая регионалистика и этнополитика сквозь призму понятий / [Е.С. Дорофеева, И.Н. Коновалов, В.С. Слобожникова, В.А. Труханов]; под ред. В.С. Слобожниковой. Саратов : СГЮА, 2013. 236 с.
22. Проект федерального закона «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации», подготовленный депутатом Государственной Думы ФС РФ А.В. Чуевым. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/law/pr/chu-trad/index.htm (дата обращения: 24.07.2018).
23. Недумов О. Дума не даст Церковь в обиду // НГ-Религии. 2003. 18 июня.
24. Отдел коммуникации ОБЦС МП / Русская линия. URL: http://pravoslavuye.org.ua/index.php?action=fullinfo&r_type=article&id=5619 (дата обращения: 06.01.2007).
25. Чуев А.В. Законодательная поддержка традиционных религий России // Государство и религиозные объединения: концептуальные основы взаимоотношений на примере Центрального федерального округа : материалы науч.-практ. конф. (25 января 2002 года). М. : Летний сад, 2002. С. 132–135.
26. Понкин И.В. Возможен ли и нужен ли закон о религиозных организациях традиционных религий? URL: <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=104072618375219&id=205022321165236> (дата обращения: 06.01.2007).
27. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Предпочтения власти. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-02-27/9 (дата обращения: 21.08.2018).
28. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Цели и методы религиозной политики. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-10-24/6 (дата обращения: 21.08.2018).
29. С советским прошлым еще далеко не покончено. URL: http://www.ng.ru/sodr/2002-03-25/1_kondrusevich.html (дата обращения: 16.10.2018).
30. Перспективы политического развития России: материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 19–20 апреля 2007 г. / отв. ред. И.Н. Тарасов. Саратов : Саратов. гос. социал.-эконом. ун-т, 2007. 248 с.
31. Бурьянов С.А. Государственно-церковные отношения против свободы совести и правового государства. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_47.html (дата обращения: 17.08.2018).
32. Фомина М.Н. Размышление о бытии концепции регулирования отношений государства с религиозными объединениями (экскурс в настоящее прошлое) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 303–309.
33. Сектозащитники, религиоведы, атеисты. URL: <http://www.religioved.narod.ru/religioved/index.htm> (дата обращения: 17.10.2018).
34. Сипко Ю. Две концепции и семь принципов. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-10-10/1 (дата обращения: 21.08.2018).
35. Как выстраивать взаимоотношения власти и конфессий в новом веке. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-06-27/4 (дата обращения: 21.08.2018).
36. Концепция Государственной религиозной политики. Проект кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ, ноябрь 2003 г. URL: <http://www.religioved.narod.ru/religioved/016.htm> (дата обращения: 17.10.2018).
37. О будущих взаимоотношениях конфессий и государства. Дискуссия продолжается. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-08-22/4 (дата обращения: 21.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 ноября 2020 г.

Social and Political Practices of Adjusting the State-Religious Relations in Russia at the Turn of the 21st Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 121–132.

DOI: 10.17223/15617793/460/15

Valentina S. Slobozhnikova, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: slvase@mail.ru

Keywords: post-secularity; Russia at the turn of the 21st century; state-religion relations (SRR); separation SRR model; cooperation SRR model; State Duma Committee on Civil Society; public and religious organizations; social and political practices; SRR concepts.

The article analyzes the public desire to adjust the state-religion relations at the turn of the 21st century. It has been provoked by the fact that Russia is still looking for its own model of relations alongside with the development of traditional religiosity. The aim of the study is to identify the forms of social and political practices aimed at changing the state-religion relations existing in the past. The study reflects the results of the periodical press analysis. Lots of periodicals covered social and political discussions of the issue: draft laws and research works within historical, neo-institutional, and comparative approaches. The author identifies significant institutional changes that triggered social and political practices related to SRR at the turn of the 21st century. Special federal and regional agencies responsible for religious policy appeared within the governmental system. The creation of the Interfaith Council of Russia as well as the adoption and publication by the leading religious organizations of their social and political doctrines also fell within the tendency. Social and political practices were unfolding within the two main trends: (1) Russia is a secular country, and the state should consider secularism as a strategy of its religious policy; (2) the crisis typical of the period triggered the search for additional resources and governmental mechanisms. There were disagreements in the public opinion. Some people were actively trying to save and protect the former relations that meant the exclusion of the state from the religious sphere regulation (separation SRR model). Others were proponents of the new cooperation SRR model, but its content was interpreted in different ways. The crisis contributed much to social and political practices which approached the traditional religions problem as one of the options for finding mechanisms to restore control over the country and solve social and spiritual problems. The traditional religions problem became a social and political one. This fact stirred the religious world up and in fact split it apart. The State Duma was one of the bodies involved in state-religion relations. At the turn of the 21st century, its Committee on Public and Religious Organizations was actively promoting

the idea of traditional religions. Those who supported the idea to include the concept “traditional religion” into the political and legal frameworks were trying to implement it in their lawmaking practice. They came out with several bills. The most debatable of them were the ones named after their authors (Shandybin’s bill, Chuyev’s bill, Glazhev’s bill, etc.). There were also drafts of the Religious Policy Concept. The study describes unsuccessful attempts (by bills and SRR concept drafts) to turn traditional religiosity into a normative element of Russian social and political frameworks. It was a big challenge for the state and the public.

REFERENCES

1. Slobozhnikova, V.S. (2019) [The development of the phenomenon of post-secularity by socio-humanitarian sciences in Russia]. *Rossiyskaya obshchestvenno-gumanitarnaya nauka pered vyzovami sovremennosti* [Russian social and humanitarian science in the face of modern challenges]. Proceedings of the International Conference. Saratov. 25–26 January 2019. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 53–60. (In Russian).
2. Mchedlova, M.M. & Kudryashova, I.V. (2016) *Religiya i politika: ot sekularizatsii k novym teoreticheskim koordinatam issledovaniya* [Religion and Politics: From Secularization to New Theoretical Coordinates of Research]. In: Solov’ev, A.I. (ed.) *Politika i nauka na perekrestke sovremennosti: k itogam yubileyenogo Kongressa RAPN. Ezhegodnik 2016* [Politics and Science at the Crossroads of Modernity: Towards the Results of the Jubilee Congress of the Russian Academy of Sciences. Yearbook 2016]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 176–194.
3. Bogachev, M.I. (2016) Is There Connection Between Religion and Politics? Analyzing Experience of North America and Europe. *Politiya – Politeia*. 4 (83). pp. 142–157. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2016-83-4-142-157
4. Loginov, A.V. (2005) *Vlast’ i vera: Gosudarstvo i religioznye instituty v istorii i sovremennosti* [Power and Faith: State and Religious Institutions in History and Modernity]. Moscow: Bol’shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
5. Slobozhnikova, V. (2014) Modern Russia is in Search of a Secular Model of Relationships Between Religions and the State. *Balkan Journal of Philosophy*. 6 (2). pp. 147–154.
6. Shakhov, M.O. & Shutova, O.S. (2003) Gosudarstvenno-konfessional’nye otnosheniya: analiz tipologiy i “silovaya model” [State-religion relations: analysis of typologies and the “power model”]. *Politiya – Politeia*. 3 (30). pp. 158–178.
7. Tsybulevskaya, O.I. (ed.) (2013) *Vzaimodeystvie grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva v Rossii: pravovoe izmerenie* [Interaction of civil society and the state in Russia: a legal dimension]. Saratov: Povolzhsky Institute of Management. pp. 286–322.
8. Vasil’eva, O.Yu. & Trofimchuk, N.A. (eds) (2004) *Istoriya religiy v Rossii: uchebnik* [History of religions in Russia: a textbook]. 2nd ed. Moscow: Russian Academy of Public Administration.
9. Zhuravskiy, A. & Kyrlezhev, A. (2003) *Rossiyskoe gosudarstvo pered fenomenom religioznosti* [The Russian state before the phenomenon of religiosity]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2003-10-15/54. (Accessed: 21.08.2018).
10. *Official Website of the Interreligious Council of Russia*. [Online] Available from: <http://interreligious.ru/>. (Accessed: 17.08.2018).
11. Solov’ev, A.I. (ed.) (2007) *Demokratiya, upravlenie, kul’tura: problemnoe izmerenie sovremennoy politiki. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2006* [Democracy, governance, culture: problem dimension of modern politics. Political Science: Yearbook 2006]. Moscow: ROSSPEN.
12. Russian Federation. (1997) *Federal Law “On Freedom of Conscience and on Religious Associations” of September 26, 1997, No. 125-FZ*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/. (Accessed: 7.09.2018).
13. Zorkal’tsev, V.I. (2003) *Religioznye organizatsii – odin iz naibolee vazhnykh institutov grazhdanskogo obshchestva, khotya eshche i ne ochen’ zametnyy v Rossii* [Religious organizations are one of the most important institutions of civil society, although not yet very noticeable in Russia]. [Online] Available from: <http://old.nasledie.ru/persstr/persona/zorkalcev/article.php?art=2>. (Accessed: 28.08.2011).
14. Babushkin, A.V. et al. (2007) *Svoboda ubezhdeniy, sovesti i religii v sovremennoy Rossii: spetsializirovanny informatsionno-analiticheskiy doklad* [Freedom of thoughts, conscience, and religion in modern Russia. Specialized analytic report]. Moscow: Moscow Helsinki Group.
15. Verkhovskiy, A. (2003) *Bitva za privilegii* [The Battle for Privileges]. [Online] Available from: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2003/06/18/bitva_za_privilegii/. (Accessed: 15.03.2007).
16. Lawmix.ru. (2018) *Proekt Federal’nogo zakona № 99048645-2 “O traditsionnykh religioznykh organizatsiyakh”* [Draft Federal Law No. 99048645-2 “On Traditional Religious Organizations”]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/lawprojects/72596>. (Accessed: 24.07.2018).
17. Atheism.ru. (2018) *O traditsionnykh religioznykh organizatsiyakh v Rossiyskoy Federatsii: proekt Federal’nogo zakona (podgotovlen deputatom Gosudarstvennoy dumy RF A.V. Chuevym)* [On traditional religious organizations in the Russian Federation: Draft Federal Law (prepared by A.V. Chuev, a deputy of the State Duma of the Russian Federation)]. [Online] Available from: <http://www.atheism.ru/archive/text/340.phtml>. (Accessed: 25.07.2018).
18. Atheism.ru. (2018) *Proekt Federal’nogo zakona “O sotsial’nom partnerstve gosudarstva i traditsionnykh religioznykh organizatsiy”* [Draft Federal Law “On social partnership between the state and traditional religious organizations”]. [Online] Available from: <http://www.atheism.ru/archive/text/1115.phtml>. (Accessed: 25.07.2018).
19. Atheism.ru. (2018) *Proekt federal’nogo zakona “O sotsial’nom partnerstve gosudarstva i religioznykh organizatsiy”* [Draft Federal Law “On social partnership between the state and religious organizations”]. [Online] Available from: <http://www.atheism.ru/archive/text/1114.phtml>. (Accessed: 24.07.2018).
20. Catholicchurch.ru. (2018) *“Traditsionnye religii” Rossii: k voprosu o terminakh* [“Traditional religions” of Russia: to the question of terms]. [Online] Available from: <http://catholicchurch.ru/index.php/topic/1907>. (Accessed: 24.07.2018).
21. Slobozhnikova, V.S. (ed.) (2013) *Sovremennaya rossiyskaya politicheskaya regionalistika i etnopolitika skvoz’ prizmu ponyatiy* [Modern Russian political regionalism and ethnopolitics through the prism of concepts]. Saratov: Saratov State Law Academy.
22. Cddk.ru. (2018) *Proekt federal’nogo zakona “O traditsionnykh religioznykh organizatsiyakh v Rossiyskoy Federatsii”, podgotovlennyy deputatom Gosudarstvennoy Dumy FS RF A.V. Chuevym* [Draft Federal Law “On traditional religious organizations in the Russian Federation” prepared by A.V. Chuev, a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation)]. [Online] Available from: http://cddk.ru/gos_i_religia/law/pr/chu-trad/index.htm. (Accessed: 24.07.2018).
23. Nedumov, O. (2003) Duma ne dast Tserkov’ v obidu [The Duma will stand up for the Church]. *NG-Religii*. 18 June.
24. Pravoslavie.org.ua. (2007) *Otdel kommunikatsii OVTsS MP* [Communication Department of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate]. [Online] Available from: http://pravoslavie.org.ua/index.php?action=fullinfo&r_type=article&id=5619. (Accessed: 06.01.2007).
25. Chuev, A.V. (2002) [Legislative support of traditional religions of Russia]. *Gosudarstvo i religioznye ob’edineniya: kontseptual’nye osnovy vzaimootnosheniy na primere Tsentral’nogo federal’nogo okruga* [State and religious associations: conceptual foundations of mutual relations on the example of the Central Federal District]. Conference Proceedings. 25 January 2002. Moscow: Letniy sad. pp. 132–135. (In Russian).
26. Ponkin, I.V. (2004) *Vozmozhen li i nuzhen li zakon o religioznykh organizatsiyakh traditsionnykh religiy?* [Is it possible and necessary to have a law on religious organizations of traditional religions?]. [Online] Available from: <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=104072618375219&id=205022321165236>. (Accessed: 06.01.2007).
27. Bur’yanov, S.A. & Mozgovoy, S.A. (2002) *Predpochteniya vlasti* [Authorities’ preferences]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-02-27/9. (Accessed: 21.08.2018).
28. Bur’yanov, S.A. & Mozgovoy, S.A. (2001) *Tseli i metody religioznoy politiki* [Aims and methods of religion policy]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-10-24/6. (Accessed: 21.08.2018).

29. Ng.ru. (2002) *S sovetskim proshlym eshche daleko ne pokoncheno* [The Soviet past is far from done away with]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/sodr/2002-03-25/1_kondrusevich.html. (Accessed: 16.10.2018).
30. Tarasov, I.N. (ed.) (2007) *Perspektivy politicheskogo razvitiya Rossii* [Prospects for the political development of Russia]. Conference Proceedings. Saratov. 19–20 April 2007. Saratov: Saratov State Socio-Economic University.
31. Bur'yanov, S.A. (2002) *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya protiv svobody sovesti i pravovogo gosudarstva* [State-church relations against the freedom of conscience and the rule of law]. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_47.html. (Accessed: 17.08.2018).
32. Fomina, M.N. (2009) *Razmyshlenie o bytii kontseptsii regulirovaniya otnosheniy gosudarstva s religioznymi ob'edineniyami (ekskurs v nastoyashchee proshlogo)* [Reflection on the existence of the concept of regulating relations between the state and religious associations (excursion into the present of the past)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 1 (3). pp. 303–309.
33. Religioved.narod.ru. (2018) *Sektozashchitniki, religiovedy, ateisty* [Sect defenders, religion scholars, atheists]. [Online] Available from: <http://www.religioved.narod.ru/religioved/index.htm>. (Accessed: 17.10.2018).
34. Sipko, Yu. (2001) *Dve kontseptsii i sem' printsipov* [Two concepts and seven principles]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-10-10/1. (Accessed: 21.08.2018).
35. Ng.ru. (2001) *Kak vystraivat' vzaimootnosheniya vlasti i konfessiy v novom veke* [How to build relationships between power and confessions in the new century]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-06-27/4. (Accessed: 21.08.2018).
36. Religioved.narod.ru. (2003) *Kontseptsiya Gosudarstvennoy religioznoy politiki. Proekt kafedry religiovedeniya Rossiyskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF* [The concept of the state religious policy. Project of the Department of Religious Studies of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.religioved.narod.ru/religioved/016.htm>. (Accessed: 17.10.2018).
37. Ng.ru. (2001) *O budushchikh vzaimootnosheniyakh konfessiy i gosudarstva. Diskussiya prodolzhaetsya* [On the future relationship of confessions and the state. The discussion continues]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-08-22/4. (Accessed: 21.08.2018).

Received: 19 November 2020